

Андрей Шапеев

Переменчивые

Просторы

или Инженер и Садоводы

Андрей Шапеев

**Переменчивые Просторы,
или Инженер и баклажаны**

«Издательские решения»

Шапеев А.

Переменчивые Просторы, или Инженер и баклажаны /
А. Шапеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838099-0

В этом фантастическом романе, местами забавном, в меру глубокомысленном, главный мотив — столкновение со Станным, переживание Станного и примирение с ним. Читатель волен сопереживать одной или другой стороне конфликта, а может занять в отношении происходящего какую-то третью независимую сторону.

ISBN 978-5-44-838099-0

© Шапеев А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие от автора	6
Глава первая. У нас закончились инженеры	7
Глава вторая. Существенная необходимость	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Переменчивые Просторы, или Инженер и баклажаны

Андрей Шапеев

Дизайнер обложки Лука Птичкин

© Андрей Шапеев, 2017

© Лука Птичкин, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-8099-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие от автора

В этом фантастическом романе главный мотив – столкновение со Странным, переживание Странного и примирение с ним. Немаловажную роль играет и выдуманный язык, на котором говорят жители Просторов. Если Читатель станет переводит реплики персонажей по словарю (который содержится в приложениях), то у него сложится *одно* представление об этом мире. Если же Читателю не захочется заниматься переводами, то ничего страшного – у него просто сложится *другое* представление, не хуже и не лучше первого. Читатель также волен сопереживать одной или другой стороне конфликта, а может занять в отношении происходящего какую-то третью независимую сторону. Приятного чтения!

Глава первая. У нас закончились инженеры

Я снял деньги с банковского счета, пришел домой, уселся на диван, разложил купюры рядом с собой и уставился на них. Они лежали, не шевелясь, на синтетической материи дивана и оттого, что купюры были крупными, денег казалось мало. Нам с женой на путешествие. До нужной суммы недоставало четырех тысяч. Их обещала подкинуть жена. Но сейчас она еще была на работе. На плотно занавешенных шторах солнце снаружи пропечатало два кри-вых оранжевых прямоугольника. Эти два прямоугольника и отвлекли меня от созерцания раз-валившихся на диване денег. Когда я уходил, то, должно быть, забыл раздвинуть эти шторы. В комнате было душно. Сидеть без дела и концентрироваться попеременно то на деньгах, то на шторах, было бессмысленно. Что-нибудь нужно было делать либо с одним, либо с другим. Я встал, раздвинул шторы и открыл окно. Пусть проветрится. Затем пересчитал деньги еще раз и сложил их в приготовленный для них конверт, после чего прошел на кухню, налил заварки из зеленого чая в старый граненый стакан, разбавил холодной водой, в гостиной включил теле-визор, и стал листать каналы, медленно прихлебывая чай и дожидаясь жену.

По одному из каналов шел фильм «Восемь с половиной» Феллини. Я попал как раз на начало. Главный герой, застряв в пробке в первой своей фантазии, задыхается в своем авто-мобиле от дыма. Люди в других автомобилях с каменными лицами наблюдают за тем, как он корчится. Я оставил канал и стал смотреть такие знакомые кадры. Сам я очень часто смотрел этот фильм. Раз десять точно. Но досмотреть до конца не получалось ни разу. Все время что-то прерывало мой просмотр. В последний раз, например, я смотрел фильм в интернете, и, досмот-рев так далеко, как никогда не досматривал – до сцены с иллюзионистом в светском обществе и его ассистенткой. До конца оставалось совсем немного времени, и тут интернет отключился. На экране выскочило уведомление об ошибке. Потом я досматривать не стал – настроение было уже не то. Когда же это было? Год прошел, не меньше. Само имя героя, Гуидо, которого играл Мастроянни, часто и до сегодняшнего дня звучало у меня в голове, как будто кто-то звал: «Гуидо». Тихо так, без эмоций. Такие вот до мистического особые отношения могут быть у человека с кинофильмом. Мне было приятно, что я хотя бы в этот раз смогу досмотреть фильм и узнать, чем же все закончилось, потому что в моей-то голове ничего не закончилось, это был фильм без конца. Герой без конца собирается снимать фильм, техники все больше, актеры почти все подобраны, но съемка не начинается. Начнется ли она вообще, или лучше не досматривать? А кто вообще этот Гуидо – несчастный нарцисс или, может быть, герой-страдалец?

Я внимательно смотрел, а потом пришла жена. Открыв дверь, я вернулся на диван.

– Я фильм смотрю, очень интересный, – крикнул я, услышав шум воды в ванной: жена мыла руки.

Шум воды унялся, жена прошла мимо меня, плюхнулась в кресло и положила ноги на пуфик. Так мы сидели, пока минут через пять она не произнесла:

– Какая же скукота.

– Чего скукота-то? – возмутился я, – Феллини. Ты слышала хоть о нем?

– Конечно, слышала. Ну и что, что Феллини? Известный режиссер, да только это не зна-чит, что мы сразу кланяться ему должны. Снимал же страшную нудоту. – Она помолчала и добавила, – еще и черно-белую.

Я вздохнул и задумался, чем бы возразить.

Иногда на такой вот нудоте лучше видны человеческие отношения с миром, – выпалил я.

Может быть, – безразлично протянула жена, отвернулась к окну и стала смотреть на бле-стящие от солнца крыши домов.

Как прошел день? – спросил я.

Не спрашивай, – махнула она рукой, – просто сумасшедший дом.

Работала она в бухгалтерии одного завода по производству обоев, а я – инженером в частной фирме. Свою работу я уже давно хотел сменить, да повода уйти не было. Вот уж где скукота, вот уж где настоящая нудота. Люди серые, словом не обмолвятся, кроме дележки каких-то сплетен. Даже не сплетен, а обрывков сплетен. Ничего плохого они мне не делали, да и я им тоже, просто я чувствовал, что мне там не место, что я просто растрачиваюсь попусту. Что касается жены, то ей работа, похоже, даже нравилась, по большей части, из-за коллектива, несмотря на сезонный «сумасшедший дом». Так бывает: в одном месте для сереньких людешек будто мёдом намазано, а в другом намазано – для светлых людей, способных дружить. Я, наверное, принадлежал к первым, вот меня к себе подобным и притянуло. С моей женой вышло наоборот.

Я деньги снял, – сказал я.

Хорошо, скоро пойдем выкупать путевки, – произнесла жена. – Ты ужинал?

Не-а.

* * *

Прямо у телевизора мы съели вкусный, но очень вредный ужин, приготовленный в местном ресторане быстрого питания и купленный моей женой по пути. Довольный, я развалился в кресле. Кстати, я забыл сказать. Я толстый. При моем росте метр семьдесят я вешу девяносто пять килограмм. Пока мне не слишком тяжело, потому что я еще молод. Но я точно знаю, перевали мне за тридцатку, и с бодрим и довольным видом придется попрощаться. Но пока можно есть, как я себя успокаивал.

Хорошо же как, – сказал я.

Хорошо. Это уж точно. – Моя жена весила шестьдесят пять при росте метр шестьдесят, да простит она меня за эти строки. Скорее худышка, чем такой слон, как я. Причем, как и многие женщины, она умудрялась комплексовать из-за своей пары лишних кило значительно больше меня. Что и говорить, у женщин самооценка устроена несколько иначе.

На сцене, где у Гуидо спрашивают, сколько камер будет в его фильме, а потом деланно расстраиваются, что всего лишь пять, моя жена сказала:

Переключи, там сейчас будет интересно. По четвертой. И вообще, помой, пожалуйста, посуду.

Послушай, – начал я совершенно серьезно, понимая, что и в этот раз просмотр срывается, – я смотрел этот фильм раз десять, но ни разу не досматривал до конца. Ты понимаешь, каково это для меня?

Но там идут «Пластиковые цветы».

Свои «цветы» ты можешь посмотреть потом. Их повторяют каждый день.

Нет, завтра пятница, а в пятницу не повторяют.

Ты можешь посмотреть в интернете.

Ну, в таком случае и ты можешь посмотреть в интернете, – сказала она, выхватила пульт и уставшая физиономия Марчелло Мastroяни сменилась на цветной сериал, где две девушки стояли друг напротив друга и молчали, а жена добавила, – это же бредятина. Старая, как мир.

Однако ты в старом мире живешь, – сказал я.

Девушки на экране помолчали немного, потом стали целоваться.

Как это пропустили? Да еще и днем! – возмутился я.

Это Уфинский канал, там сейчас около полуночи.

Да и почему вообще все должно быть по-твоему? Я сидел, спокойно смотрел фильм. Даже чисто по-человечески, я раньше начал смотреть. Должна быть какая-то очерёдность! Где доказательство, что твои «Пластиковые цветы» важнее «Восьми с половиной»? – разошелся я.

Он новее лет на сто, – отмахнулась жена, внимательно глядя, как девушки одновременно целуются и раздеваются, – не мешай.

Ах, не мешай... – растянул я. – Ах, не мешай? Я раньше пришел, я раньше стал смотреть.

Боря, ну что ты как ребенок! Вон – интернет, бери и смотри. «Цветы» появятся на сайте только через неделю.

Господи, как хорошо было, когда можно было на кассету записать. Записала бы свою чепуху туда, и все, – ворчал я.

Кадр на экране сменился сценой, где молодой человек стучится в дверь, поправляет воротник. Какой же идиотский и примитивный способ показать волнение! В руках у него коробка с тортом и бутылка вина. Кадр меняется, девушки так увлеклись любовью, что не слышат стука. Одна из них замирает, прислушивается, а потом говорит «показалось». Парень обходит дом, смотрит через стекло задней двери в кухню, но ничего не видит. Потом слышит звуки секса.

Что за черт! – говорит он с тупой физиономией истукана. Реклама.

Что за черт. Ты дашь мне посмотреть фильм или нет? – не отступал я.

Пожалуйста, Боря, это очень важно.

Тогда я пойду досмотрю фильм у соседа.

Да, да, иди.

Мне очень не хотелось смотреть по интернету, сам не знаю почему. Может, поколение не то, может, просто искать было лень, а может, я чувствовал, что пропадет какой-то совершенно особый шарм от фильма по телевизору. Да, скорее всего, и то, и другое, и третье.

Я все равно люблю тебя, – сказал я как можно более драматично и добавил, – хотя ты и эгоистка.

Я тебя тоже, хотя ты еще больший эгоист.

Может, поэтому мы до сих пор вместе? Нас друг от друга спасает эгоизм.

Да, может быть.

Ну и ладно, – пожал я плечами, – поговорим потом. Спасибо за ужин.

У соседа было слишком жарко и накурено. Но это все равно лучше, чем «Пластиковые цветы». Черт возьми, как можно вообще так назвать сериал?

У соседа я уселся в кресло и продолжил смотреть фильм. Худощавый и сутулый сосед с бесцветным выражением лица пил пиво и беспрестанно курил, сидя в коридоре между залом и кухней, откуда ему был виден телевизор.

Ты извини, что я тебя побеспокоил, просто очень нужно досмотреть этот фильм именно сейчас.

Да ничего. – Ему, похоже, было абсолютно безразлично.

Все пивком балуешься? – спросил я.

Только что начал.

Я досмотрел до сцены с иллюзионистом, как вдруг зазвонил телефон протяжным рыком, напоминающим стрекотание двуручной пилы о мокрое дерево. Сосед подошел и снял трубку:

Алло, – не вынимая сигареты изо рта, ответил он. – Где? Сейчас.

Что? – удивился я ткнувшейся мне в плечо трубке.

Это тебя.

Меня? – удивился я, и добавил шепотом, – кто?

Какой-то мужик.

Но почему сюда, к тебе? – спросил я. Сосед пожал плечами и вернулся на свое место, а я приложил трубку к уху, – э... да?

Послышался скрипучий и медлительный мужской голос:

Здравствуйте. Борис Степаныч?

В этом голосе практически не было ни одной эмоции. Я сразу подумал, что это с работы.

Да, это я... – сказал я и добавил, – наверное. – Мало ли, может звонили какому-то другому Борису Степанычу.

Мне будет трудно объяснить, кто мы. Но нам необходим инженер, и мы обращаемся к Вам как к инженеру.

Так. Только я совершенно обычный инженер и никому визиток не даю. Просто работаю в фирме, и все.

Это совершенно неважно, – сказав так, голос замолк. В трубке дико завывал ветер, и я посмотрел в окно, но увидел там тихий солнечный вечер без единого дуновения – листья на деревьях застыли, как на фотографии. Глядя на них, я ждал продолжения, но его не последовало. Наверное, мой собеседник счел такую реплику самодостаточной.

И чем я могу помочь? – не выдержал я.

Вы не волнуйтесь, – успокаивающе растянул голос, – Вам хорошо заплатят. Ничего по вашим меркам криминального. Просто у нас закончились инженеры.

Я прокрутил в голове последнюю фразу.

Закончились инженеры?! – воскликнул я.

В трубке молчали так, как будто там никого не было. Порывы ветра перегружали микрофон. Я не дождался ответа и перефразировал:

То есть, как это – закончились?

Вот так, отработали и ушли восвояси. – На этот раз ответ проскрипел сразу же.

А обратно их не вернуть, что ли? – все не унимался я.

Ну почему же «не вернуть»? Можно, но все они уже старые. Давно у нас ничего не ломалось и ничего не строилось.

Я задумался, невольно анализируя ситуацию. И так, странный человек со странным голосом звонит домой не ко мне, но к моему соседу. И находит меня там. Ладно, но потом он предлагает мне работу. Еще у них закончились инженеры. И во всей этой ситуации нет ничего по *нашим меркам* криминального. Блеск!

Я ничего не буду делать, пока Вы мне все по-человечески не объясните, – сказал я как можно более строго.

Нужно наладить коммуникации в одном строении и подправить другое. Нам ничего от Вас не нужно, кроме этого. Когда работа закончится, денег, которых мы Вам выплатим, хватит лет на пять безбедной жизни для Вас и всей Вашей семьи. Вы только представьте: не надо работать, ешь, гуляй, ешь, веселись.

О чём это Вы вообще? Ешь? На что Вы намекаете?

Голос помолчал, потом, прищелкнув языком, ответил:

Фигурально выражаясь. Всего лишь то, что можно ни в чем себе не отказывать. Мы – серьезные люди и не собираемся с Вами играть. Просто Вы поможете нам, а мы Вас хорошо отблагодарим.

Я еще раз мысленно прокрутил весь разговор в голове: им трудно объяснить кто они, нужен инженер, инженеры закончились, два строения, много денег. Последнее мне нравилось, можно даже будет завести детей, как мы давно хотели, но не находили времени и средств. Конечно, если все так, как он говорит. Однако во всем остальном разговор был совершенно дурацкий. Стоило ли верить в такую чушь?

Так что я должен делать? – вырвалось у меня как-то само собой.

На словах очень трудно объяснить. Объекты нужно увидеть. Давайте встретимся и все обговорим.

Ладно, только как попросите Вас называть?

В трубке сначала послышалось задумчивое скрипение, потом сильный рывок ветра почти оглушил меня. Было такое чувство, что собеседник перебирает все имена, чтобы выбрать правдоподобное. Мне всё это не нравилось. Но я был слишком заинтересован.

Называйте меня... Иван Родионович. Да, – проскрипел голос. Давайте сегодня в два часа увидимся?

Сегодня в два часа? Но так сейчас семь вечера.

Ага... у вас же ночь скоро... – опомнился голос. – Тогда завтра в пять вечера. «Интересно, что все это, черт возьми, значит», – подумал я. Единственное реальное объяснение такому звонку – шутка соседа. Я взглянул на его физиономию. Она выглядела совершенно безучастно и упиралась в экран телевизора недвижимым взглядом. Нужно быть блестящим актером, чтобы так хорошо сыграть безразличие. Шутка жены? Вообще глупости. А ведь больше никто не знает о том, что я у соседа. Да, не похоже на шутку. Может, что-то из крупного криминального бизнеса, с рэкетом и так далее. Например, я должен буду им спроектировать короб для хранения кокаина, чтобы ни единой капли запаха из короба ни проникла наружу, и собаки остались бы спокойными. Хотя, нет, он же сказал «строение». Да и не девяностые на дворе. Такое если и делается, то тихо. Черт меня подери! Я вздохнул.

Итак, Вас устроит? – сказал мой собеседник и тоже вздохнул, только как-то протяжнее и суше, а потом на заднем плане завыл ветер, так же протяжно и сухо. От этого звука что-то в моей душе защемило. Что-то из детства.

Устроит. Где?

За соседним с Вашим домом в бывшей водонапорной башне недавно открылось кафе.

Это на пустыре? Но там башня еще неделю назад была с пустыми черными окнами, повсюду валялись кирпичи, – вспоминал я вид башни.

Да, но сейчас это чудесное заведение, где можно спокойно все обсудить.

Мой мозг требовал объяснений и, не получив их, смертельно устал. Я согласился.

Вот и хорошо. До завтра, Борис Степанович, – деловым тоном произнес собеседник и повесил трубку.

До завтра, как Вас там... Родионович, – сказал я коротким гудком в трубке.

Что там случилось? – спросил сосед, закуривая.

Это мне работу предлагали, – я отложил телефон и вздохнул. Дым долетел до меня, и я закашлялся. Восстановив дыхание, но еще давясь от слез, я сказал:

Сосед, хватит курить, это невыносимо. Ты куришь одну за другой. Что с тобой случилось?

Ты же помнишь, что я с женой развожусь? Так вот она захотела себе все грампластинки отсудить.

Так и отдай ей пластинки. – Я взглянул на полку с конвертами. Их было немало. Наверное, для соседа это была ценность.

Нет, не могу. Уж, что хочет пускай забирает. Хоть холодильник со стиральной машинкой, а пластинки эти я всю жизнь наживал. Вот послушай. – Он оживился, затушил сигарету в грудке скрюченных в пепельнице окурков, подбежал к полке, экспрессивно сорвал конверт с одной из пластинок, поставил в проигрыватель и опустил иглу куда-то в середину пластинки. Зашипела игла, а потом из двух стареньких колонок полилась тихая музыка. Не очень ровная, но какая-то особенно живая. Это был знакомый рок-н-ролл, перед Новым Годом, когда с женой наряжаем елку, он попадает в трек-листе. Но не более.

Отец у фарцовщика купил в свое время. Раритетная музыка, – с гордостью говорил сосед, – это же Чак Берри. «Беги, Рудольф, беги».

Да уж, такого было не достать. – Честно говоря, я не знал, кто такой Чак Берри, но очень хорошо понимал соседа. – Держись за эти пластинки. Не сдавайся.

Постараюсь.

К фильму Феллини я снова потерял интерес. Уж сильно сбил мое внимание странный звонок. Я смотрел в экран. Там мелькали картинки, но я ничего не понимал. Сосед стоял у проигрывателя, положив локоть на полку и с наслаждением на чуть хмельном лице дослушивал «gun, gun Rudolf». Музыка играла тихо, и я мог смотреть фильм, но все равно ничего не пони-

мал. Думал о звонке, прокручивая реверсом весь разговор. Некоторые детали уже выпали из памяти, но в целом, разговор все равно был у меня весь в голове, и я не переставал удивляться, какой же он несуразный. Когда песня закончилась, сосед выключил проигрыватель.

Дальше слушать не буду, – объявил он. – Когда слушаешь долго, от воспоминаний становится больно.

Понимаю, – не задумываясь, ответил я. Встал и засобирился уходить. – Я пойду, наверное. Фильм не получается досмотреть. Настроение уже не то. Это из-за телефонного звонка. Ты тут ни при чем.

Ну ладно, – сосед закурил еще одну сигарету, – пока.

Не жури много, – я пожал ему руку и ушел домой.

* * *

Дома жена досматривала вторую серию «Пластиковых цветов», и в иной ситуации я бы обязательно поиздевался над тем, что и каким образом снято в этом сериале, но мне не было до них совершенно никакого дела.

Досмотрел фильм? – не отрывая взгляда от физиономии того парня, который говорил «что за черт!», и который сейчас гулял по пляжному берегу с одной из тех лесбиянок.

Нет, не успел. Мы разговорились с соседом, а потом интерес к фильму пропал. – Так я, не зная зачем, утаил правду. Просто не знал, как можно такое передать. Может быть позже, когда сформулирую.

Я не мог уснуть в ту ночь. В голове не укладывалась информация. И, как тесто от дрожжей, лезла наружу. И чем больше я ее пытался уместить, тем больше тесто мыслей разрасталось и разрасталось. Как, в конце концов, можно сделать кафе в старой водонапорной башне за неделю? Впрочем, я уже не был уверен, что видел ее неделю назад. Возможно, что раньше. Стоит только кому-то сказать «у тебя вся спина белая!», и хоть на календаре будет первое апреля, ты поневоле засомневаешься. Так и здесь: жил себе и о башне не додумывался, а сказали, что из нее сделали кафе за неделю или две – сразу поверил и стал всю *свою* информацию под *новую* подделывать. Такие уж мы, люди, существа – сомневающиеся. И уж сильно странно все это. Я взглянул на электронные часы на прикроватной тумбочке. Горели цифры 2:21. Потом я пошел в кухню, достал из холодильника ветчины, сыра, отрезал по толстому ломтю, положил на батон, заправил майонезом и съел, запивая молоком. Выключив свет, я вернулся в комнату и лег обратно в постель.

На этот раз в голове было не информационное тесто, а какие-то обрывки мыслей, восклицаний, и они заплясали и завертелись, как ведьмы на шабаше. В конце концов, я перестал обращать на них внимания от усталости, и перед глазами всплыла физиономия парня из сериала, который обращался к Гуидо со словами «Что за черт!», а потом я уснул, перед этим медленно и сонно пробормотав:

– Завтра в пять.

Сам я этого не услышал. Так сказала моя жена наутро.

Что у тебя сегодня в пять? – спросила она, когда мы ели омлет и запивали кофе.

Одним едва проснувшимся участком мозга, отвечающим, очевидно, за бритье, чистку зубов и поглощение пищи, я услышал ее слова. У меня родился ответ, и я проглотил омлет и открыл рот, чтобы сказать, но изо рта вылетело только вялое «А?»

Что у тебя в пять? – повторила жена, допивая свой кофе.

Встреча с заказчиком проекта. – На этот раз речевой аппарат не подвел, – он позвонил мне вчера. Наверное, кто-то дал ему визитку. Станный такой тип, судя по разговору. Такой скрипучий голос.

Я поёжился от дискомфорта.

Ты же будешь осторожным?

Да, конечно. Подожди, а откуда ты узнала? Я же не говорил.

Говорил. Во сне. Сегодня ночью, часа в три.

Так, а ты почему не спала? – Чем дальше, тем меньше я понимал что-либо.

Боря, что ты такой глупый проснулся? Ты же меня этой фразой и разбудил. Я уж спрашивать не стала, потому что поняла, что ты спишь. – Она помолчала. Я смотрел, как она доедает омлет, а потом откусывает кусок бутерброда с сыром. – А когда ты придешь?

Надеюсь, часов до восьми буду дома. – Я не знал, когда я буду, поэтому на всякий случай решил обозначить время возвращения с запасом.

Что так поздно?

Я вижу с человеком впервые. Он обещал хорошо заплатить. Почему бы не потратить на него немного больше времени?

А где вы встречаетесь?

Мы... – начал я и осекся. Черт побери, вдруг это игра моего воображения? Мне стало страшно, и я попытался максимально осторожно проверить, есть ли в башне кафе, – тут недалеко кафе открыли...

Я взглянул жене в глаза. Она ждала продолжения.

Оно совсем рядом, возле пустыря. – Я мягко крался к мйне моего возможного сумасшествия.

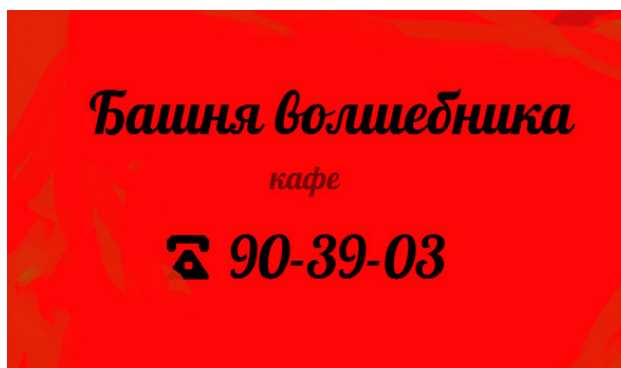
А... это в бывшей водонапорной башне? – узнала жена. Какая же тяжесть от меня в тот момент отлегла. Мир сразу стал казаться проще и прекраснее. Значит, там все-таки есть кафе. Я с наслаждением вздохнул, а потом на радостях съел бутерброд с колбасой в два прикуса и тоже допил кофе.

* * *

На следующий день, отпросившись с работы пораньше, я сел в маршрутку и доехал до пустыря: остановка была как раз напротив пустыря. Перед моим взглядом открылся пейзаж. На первом плане – пустыня из глинозема, на которой то тут, то там, ускоряя приход лета, уже зеленели редкие пучки травы, на втором – водонапорная башня, перекрашенная в другой цвет или чем-то укрытая, и далеко на третьем плане – смешанная роща. За верхушками деревьев вдалеке виднелись коричневые хрущёвки. К башне вела выложенная недавно дорожка из брусчатки. Также рядом с дорогой красовалась вывеска с надписью: «кафе „Башня волшебника“» и номером телефона, с красным фоном и черным текстом. Никаких рисунков на вывеске не было, кроме значка телефона. Шрифт – самый популярный тогда «Lobster Cyrillic», какой использовали по всему городу в своих рекламах все, кому не лень, будто других шрифтов не существовало.

По-прежнему не сходя с места, я стал разглядывать башню, щурясь от солнца, которое светило прямо над ней. Все сооружение покрывала водоотталкивающая драпировка темно-пурпурного цвета. Я взглянул на часы – оставалось еще полчаса до пяти – и стал медленно брести к башне, чтобы получше ее разглядеть. Медленно, потому что я будто боялся спугнуть открывшийся пейзаж. Единственное, что бы я выбросил из него – это чертову вывеску с бездарным дизайном. Башня же смотрелась очень гармонично. Драпировка извилисто окутывала ее так, что все строение действительно напоминало башню волшебника из какой-нибудь сказки. В полотне были рваные дыры, в которые глядели окна. Я обошел здание вокруг. С одного из окон вместо стекла торчала алюминиевая труба, из которой шел белый пар. Вкусно пахло тушеным картофелем. Я не сразу понял, где вход, но, обойдя башню, обнаружил неприметную дверь, также обтянутую темно-пурпурным драпом. Здесь уже никаких надписей не было. Одна

сплошная ткань, которой придали извилистую форму, так что я не знал, что мне делать: то ли стучаться, то ли заходить.

Ну что же... подожду внутри, – сказал я сам себе, вздохнул и потянул ручку на себя.

Дверь заскрипела с таким страшным металлическим визгом, что все мое тело покрылось мурашками, и я понял, что дверь не меняли – просто обили тканью. Внутри было просторно. Здесь господствовала та же драпировка, только черная. Зона кухни также была отделена ей же. Все вокруг было черным, даже пол покрывался плотной тканью. Источники света – электрические свечи, развешанные по стенам. Вверх тянулась крутая винтовая лестница, а рядом с лестницей было что-то вроде подъемника, также из плотной черной материи. Кроме задрапированной стойки администратора, за которой стояла девушка, в просторном холле больше ничего не было.

Здравствуйте! – Уголки губ девушки слегка поднялись вверх, изображая улыбку. А сама девушка вышла из-за стойки. – У вас заказан столик?

Нет. У меня назначена встреча здесь. – Я все еще ошарашенно разглядывал все вокруг, но пасть взгляду было совершенно не на что, хотя все смотрелось достаточно волшебным. И я невзначай посмотрел на грудь девушки, а затем сразу же ей в глаза.

– В первый раз у нас?

Да.

Сама девушка была с совершенно обычным макияжем, ее волосы были завязаны в совершенно обычный хвост, она в совершенно обычном платье до колена, и с короткими рукавами. Если бы ей придали вид симпатичной ведьмочки, то заведению можно было бы добавить еще 50 очков к престижу и целых 100 к стилю.

Как предпочтете подняться? – спросила она, – по лестнице или на подъемнике?

Я оглядел так называемый подъемник. Эдакая праща, подвешенная на тросы, в которую нужно было садиться. «Чего доброго, еще выстрелят мною из этой пращи куда-нибудь в небо, – думал я. – Хотя нет, силы не хватит. Я же центнер вешу. Все-таки, не стоит. Вдруг, они не поднимут меня, еще и стыдно будет».

Там зал, наверху? – Я попытался посмотреть, что там наверху, но вид закрывали полотна ткани, свисающие с верхнего этажа. – Я сам поднимусь, спасибо.

Поднявшись по крутой винтовой лестнице где-то метров на семь вверх, я ощутил удар жара. Сердце колотилось, как сумасшедшее. Я оперся о перила, отдышался, и прошел еще семь метров. Глаза застилала какая-то пелена, отчего я не мог сразу рассмотреть помещение, а дыхание будто забивалось пылью. Единственное, что я чувствовал – густой запах тушеных овощей, смешанный с тонким, едва уловимым запахом плесени. «Здесь что же, ничего не меняли? Просто обтянули тканью?» – подумал я, по-прежнему задыхаясь. – «Надо было на подъемнике...»

Сердце вообще готово было выскочить из груди, а дыхания не хватало, но постепенно я отдышался, и смог нормально воспринимать то, что вижу. Протерев лицо носовым платком и проморгавшись как следует, чтобы пелена сошла, я стал разглядывать большой зал.

Здесь так же всё укрывала плотная материя: она стелилась по полу, рваными дырами обступала небольшие окна, куполом уходила под потолок, и там была завязана в узел. Словно большой дырявый мешок был застелен внутри башни. Даже столы и стулья обтягивала эта ткань. Всё выглядело настолько концептуально, что не укладывалось в голове. Свет из окон проникал, но его одного, видимо, не доставало, и по стенам, через каждые полметра, висели канделябры с электрическими свечами. За столами достаточно много людей: я насчитал восемнадцать человек, то есть, почти все столики были заняты. То были самые обычные люди, которые о чем-то разговаривали между собой. Один человек, в шляпе-федоре и классическом костюме, махал мне рукой, сидя за столиком, расположенным в дальнем углу зала относительно лестницы, рядом с большой арфой. «Надо же, арфа!» – воскликнул я глубоко внутри себя. Несмотря на слишком минималистичный интерьер, арфа вписывалась. Подойдя ближе, я увидел на ней следы ржавчины, будто она лет тридцать, а то и больше, пролежала на дне озера. Наглядевшись на арфу, я повернулся к человеку, который мне махал. Он встал, мы молча пожали друг другу руки, когда я подошел, затем он жестом указал на стул напротив, и мы присели. Шляпу он ни разу не снял.

Резко выдвинутая челюсть человека придавала ему грозный вид, а морщины, покрывавшие все лицо, делали его мужественным и бывалым. Выражение на лице застыло такое, будто он давно пытается решить какую-то задачу, но у него ничего не получалось, и вот, с моим пришествием, все только больше запуталось. Даже не знаю, как еще передать впечатление от той физиономии, которую я увидел. Всем своим видом человек напротив меня напоминал высушенного и постаревшего Стивена Сигала славянской наружности. Взгляд из его небольших зеленых глазок скользнул по столу, уперся в меню, которое, похоже, было оформлено из обычной тетради формата А4 на кольцах.

Что бы Вы сейчас съели? – спросил Сигал голосом, который вчера говорил со мной из телефонного динамика. Я думал, что телефон как-то искажал сигнал, но нет: я услышал тот же низкий, скрипучий звук, только громче и без помех.

Я почти не ужинал, – сказал я, – так что я закажу что-нибудь. Вы не против?

Конечно, не против. Я уже выбрал, – мягко произнес Сигал-Скрипун, разглядывая людей вокруг, и добавил, – можете не спешить.

Меню представляло собой украшенную черной и красной тушью большую, в твердой обложке, тетрадь на кольцах и в клетку.

Ой, мама, я ложку уронила, – услышал я голос девочки лет десяти.

Ну вот! – сказал громкий женский голос, – теперь будешь есть с ворсом!

Я невольно обернулся. За столом сидели женщина, мужчина в кепке и девочка в школьной форме. В бокалах у них разлеглось белое мороженое с красным джемом.

Подошла официантка, обеспокоенно пропела: «ничего страшного, я поменяю!», – наклонилась ко мне боком, подняла ложку, углубилась в зал и застучала по лестнице вниз. Одетая она была немного в другое платье, чем у администратора, но все равно в обычное.

В меню из гарниров были одни овощи и бобы: баклажаны, фасоль, брокколи, капуста, морковь и их различные комбинации. Из горячего я обнаружил мясо всех видов, которые только было возможно вырастить, поймать и разделать, но по способу приготовления оно было только пареное, вареное, вымоченное. Я заказал вареный кусок говядины в сырном соусе и морковь с фасолью. Не столько из большого желания, сколько для того, чтобы не тянуть с выбором. Из напитков я выбрал смесь зеленого и черного чая с сахаром.

Я готов, – сказал я и отложил меню, – а что Вы выбрали?

Большая челюсть Сигала отворилась, и я услышал:

Сырную запеканку с фасолью. – Он помолчал, отведя взгляд куда-то в сторону, словно вспоминая, и добавил совершенно без эмоций. – Очень вкусно.

Вы тут раньше уже бывали?

Да. Я тут в третий раз, – ответил он.

Мы умолкли. Я не имел представления, о чем можно поговорить с этим человеком, кроме того, зачем мы встретились. Он неспешно оглядывал людей вокруг и сидел, положив ногу на ногу, опершись одним локтем себе на ногу, а другую руку положив на стол. Очевидно, он не собирался пока со мной разговаривать. Просто ждал чего-то. Я открыл рот, собираясь сказать ему что-то, но, как назло, я осознал, что забыл, как его зовут. И нигде не записал.

Меня спасла официантка. Она подплыла откуда-то сзади. Я тут же оживился, делая заказ. Сигал-Скрипун сделал свой заказ, не сменив позы, а только произнося название блюда. Официантка промякала что-то одобрительное и удалилась, не проверив правильность заказа.

Вообще вся фигура Сигала выражала не пойми что. Я не мог определить настроение человека, не мог понять, в каком он находится состоянии. Он отвечал спокойно, но и не сказать, чтобы совсем без эмоций. Уголки его губ не двигались ни вверх, ни вниз. По его виду нельзя было понять совершенно ни черта.

Итак, зачем же я Вас пригласил, – будто вспомнив, проскрипел Сигал. – Нужно, чтобы Вы помогли с устройством двух строений. Одно – спроектировать, другое – доделать. Это я Вам говорил?

Я кивнул. Что тут скажешь? Скрипун продолжил:

Проблема только в том, что объекты находятся не совсем здесь. Чуть... – он задумался, подбирая слова, – поодаль.

Если я хочу посмотреть объекты, нам нужно туда ехать. Это понятно, – по-деловому начал я. – Но, быть может, у Вас есть схемы, чертежи, планы зданий?

Сигал нахмурился, и задумчивое, немного скучное выражение сменилось на несколько озадаченное, но не менее скучное. Он щелкнул языком, и сказал:

Видите ли, Борис Степаныч. У нас нет схем. Обычно мы строим без них. Но у нас есть фотографии.

Как это – нет схем? Как это – без них? – не сдержал я возмущения.

Сигал пояснил тоном, не терпящим отказа с акцентом на последнем слове:

Поэтому мы и обращаемся к *Вам*.

Обычно любое строительство должно быть заверено в бесчисленном множестве инстанций, инспекций и так далее. Как же Вы строите без чертежей и схем, если без них даже сорняки на участке выкопать никто не даст? – я обратился с вопросом к Сигалу, но в его глазах я снова увидел процесс решения какой-то задачи, и сдался, – хорошо. Покажите фотографии, хотя бы.

Он отвернул полу пиджака, поковырялся в скрытом кармане, вынул две мятых, а вернее, даже сморщенных черно-белых фотографии и положил их передо мной. Я взял один снимок и стал разглядывать его, попутно разглаживая пальцами. На нем я увидел неровные грядки с какими-то овощами. Фотография видно, очень старая. Сделана где-то лет 40 назад, не меньше.

Это какое-то поле, – констатировал я, все больше понимая, что удивляться бесполезно.

Да. Наши баклажаны. Нужно сделать так, чтобы они поливались сами собой, потому что у нас очень мало времени. И нас очень мало.

Автоматизированный полив? *Это* Вам нужно спроектировать?

Именно так. У нас нет установок для автоматизированного полива. А с одними ведрами не управиться. – Сигал помолчал, а потом с щелчком разлепил губы и продолжил, – Мы, конечно, можем купить такую установку, но специфика местности... и есть еще определенные трудности.

Я как раз собирался задать вопрос, почему они не купят готовую установку, и даже открыл рот, так что надо было либо закрывать рот, либо что-то говорить:

В чем же заключаются трудности?

Трудности в добыче воды и в транспортировке, – сразу ответил Скрипун, – металл и пластмасса у нас в особом дефиците, к тому же, их нельзя вот так взять – и перенести к нам. Есть еще несколько специфичных моментов.

Но почему? Что все это значит? – снова не сдержал я возмущения. – Вы говорите очень странно. Нужно выполнить заказ, так объясните мне, будьте добры! Я не могу догадываться обо всем сам. Тем более для меня странно, что Вы не можете привезти к себе металл и пластмассу! – Я начал сбавлять тон, для большей убедительности. – Мне вообще, признаться Вам, весь Ваш заказ кажется несусветной бредятиной, Вы уж простите меня за прямоту, но Вы вокруг да около ходите, и не можете сказать, что и почему Вам нужно. Я не могу так начать работать, когда ничего не знаю о заказе. Я повторяю, что не могу догадываться. Будьте добры, объясните, а то моя голова просто взорвется.

Я закончил возмущаться и заметил, что мой собеседник улыбается хитрой, но доброй улыбкой. Дескать, мы с тобой заодно. От нее у Сигала-скрипуна нижняя челюсть показалась еще массивнее, подбородок – еще круче, а морщины на лбу, казалось, улыбаются вместе с ним.

Темным дельцем всё это пахнет, – прибавил я, сбитый с толку такой улыбкой.

Сигал какое-то время молчал, глядя на меня маленькими зелеными глазками, а потом добавил неспешно:

Хорошо, Борис Степанович. Я покажу Вам эти объекты сегодня же после ужина. И тогда Вы всё поймете сами. Вы уж простите, что я сам не могу объяснить.

Я хотел спросить «как это – сегодня же?», и снова открыл рот, и снова Скрипун опередил меня:

Не волнуйтесь, до вечера Вы будете дома.

Я закрыл рот, хотя у меня появился другой вопрос: «как это – до вечера, если вечер уже наступил?» Я решил его не озвучивать. Вскоре подали еду.

– Прошу, попробуйте. Здесь вкусно, – проскрипел Сигал.

И мы оба стали молча жевать. Есть с незнакомым человеком – это определенный стресс для меня, но я был голоден и решительно плюнул на то, что он может обо мне подумать. Мясо в сырном соусе оказалось удивительным – мягким, сочным и соленым ровно настолько, насколько было нужно. Морковь с фасолью, правда, была слегка передержана, но мне было все равно. Пока ел, я бросил взгляд на вторую фотографию. Она была цветной, но все равно старой, снятой примерно лет двадцать назад. На ней громоздились какие-то бетонные конструкции ржавого цвета, освещенные солнечным светом. Я прожевал последний кусок, отхлебнул чая, и стал разглядывать ее.

На первом плане лежали битые бетонные глыбы, на втором виднелись ряды засохших кустов, на третьем – высоченное бетонное нечто на сваях с зияющими черными дырами окон, а на четвертом плане – строение немножко другой архитектуры (если такое вообще можно назвать архитектурой), приземистое, с извилистой сетью черных поломанных труб, отходящих от него в разных направлениях к разным мелким пристройкам. И если трубный дом можно было бы принять за тепловую подстанцию, то ржавое бетонное нечто на третьем плане было самым странным и внушительным объектом на всей фотографии. В целом, обе постройки, вероятно, промышленные.

Я допил чай, и наступило весьма уютное спокойствие. Воистину, когда поешь и попьешь, и на душе легче. И вот таким спокойным, свежим взглядом я рассмотрел фотографию, а потом взглянул в глаза Сигалу.

– Это какой-то завод... – сказал я, – или рудник?

Это один из наших главных корпусов. Здание жилое, – объяснил Сигал.

Но ведь оно же совсем ветхое. – После еды мой тон стал убедительнее и спокойнее.

Борис Степанович, это здание как раз и нужно как-то укрепить, потому что оно разваливается. К тому же, мы хотим, чтобы внутри была вода.

То есть, в здании нет коммуникаций?

На дворе давно уже умер постмодернизм, а у нас до сих пор нет воды в здании, Вы понимаете? – проскрипел Сигал, улыбаясь также, как и до этого.

Верно, верно. Постмодернизм умер, – ответил я, не имея ни малейшего понятия, о чем он говорит. Но мне почему-то было все равно, и я добавил: – Ну что? Давайте посмотрим на Ваши объекты? По фотографиям трудно понять.

Мой экипаж снаружи. Пойдемте, если Вы готовы, – учтиво проскрипел Сигал и встал из-за стола. И тут я вспомнил его имя. Иван Родионович. Оно сначала пришло ко мне как *вероятное*, а через пару секунд я уже был полностью уверен, что именно так мне он и представился по телефону. Хотя это имя не ложилось на его образ, хоть ты тресни.

Наверное, готов, – ответил я, – только надо же оплатить счет?

Все оплачено, Борис Степанович, – скрипун повернулся ко мне спиной и направился не к выходу, а к одному из окон, что находилось в паре метров от арфы. Никто не посмотрел в его сторону, кроме меня, когда он отбросил в сторону кусок тяжелой ткани, нависший на раму окна, открыл разошедшееся от старости окно (тут я понял, что владельцы кафе ничего не меняли внутри башни, кроме покрытия всего и вся драпировкой) и громко сипло крикнул в окно: «Асафи!». Потом он посмотрел на меня, и на его лице мелькнуло удивление, наверное, от того, что я не последовал за ним, а продолжил сидеть за столиком.

Борис Степанович, – позвал он, и приглашающим жестом указал в окно, по-прежнему с удивленным лицом, – пойдемте.

Я замешкался, бормоча:

Мы же на высоте пятого этажа. Куда пойдемте-то? В окно?

Да Вы не переживайте, – успокаивающе растянул Сигал, – сейчас Вы сами всё увидите.

Женщина лет сорока с полными губами, за столом в компании других женщин, повернулась к Сигалу и пожаловалась:

Вы или туда, или сюда! Дует же.

Прошу прощения, дамы, – сухо и без эмоций ответил он женщинам, – но мне нужно дождаться, пока товарищ подойдет.

Товарищ! – крикнула мне та же женщина, – ты идешь или нет? Там балкончик, не волнуйся.

А я и не волновался. Просто находился в каком-то безвольном ступоре. Даже заметил, что у меня открыт рот. Вздохнул. Надо собраться.

Собравшись, наконец, я встал и подошел к окну.

За мной, – сказал Сигал и шагнул в солнечный свет. Я последовал за ним.

За окном и правда находился балкончик: из железных решеток. Внизу, метрах в пятнадцати под собой, я видел землю пустыря. Осторожно подойдя к Сигалу, я встал рядом с ним и оперся о перила. Перила холодно скрипнули.

Асафи! – крикнул Сигал еще раз, глядя куда-то в горизонт.

Через несколько мгновений в небе, чуть выше горизонта, появилась приближающаяся точка.

Мы полетим на нем. – Указал Сигал пальцем на точку, которая к тому моменту увеличилась и оформилась до чего-то странного.

Лишь когда *то*, что Сигал называл «Асафи» пришвартовалось к перилам балкона, я увидел в нем голого и сушеного, горизонтально расположенного в воздухе мужика, вниз животом. При полете положение тела мужика было совершенно неизменным, окоченелым. Кожа на теле вся сморщилась и потемнела, а из головы торчало несколько толстых пепельных воло-

син. На сухом морщинистом лице застыла какая-то неопределенная физиономия: рот раскрыт, уголки губ сведены вниз, а морщинистые веки так наплыли на глаза, что казалось, будто они не открывались уже лет двести. Мужик был вытянут по стойке «смирно», а его лицо обращалось вперед, в сторону движения.

Что... – я потерял дар речи, но меня не переполняли совершенно никакие эмоции. Я смотрел на сушеного парящего в воздухе мужика совершенно спокойно. Просто мой разум был как будто в тумане. Я не очень понимал, что происходит, и происходит ли вообще что-либо. Указывая пальцем в мужика, я повторил попытку: – Что... это такое?

Это Асафи. Он давно уже такой, – тоном, каким диктор читает новости по радио, сообщил Сигал, – присаживайтесь.

Он перекинул через Асафи ногу и сел ему на спину.

Присаживайтесь, – повторил Скрипун, устроившись, – и держитесь за его руки.

Я повиновался и уселся на поясицу сушеного мужика, позади Сигала, и взял Асафи за руки, что тянулись вдоль тела. Я по-прежнему не испытывал никаких чувств к происходящему. Я просто участвовал в нем абсолютно беспристрастно. Мне не было ни страшно, ни смешно. Я даже не понимал, схожу ли я с ума, удивляюсь ли, и вообще, отдаю ли себе отчет в том, что происходит. Но то был не шок. Все мое состояние напоминало автоматизм, когда человек закрывает двери ключом, или завязывает шнурки на ботинках, или выполняет действия, которые настолько привычны, что даже не фиксируются сознанием, хотя и запоминаются.

Готовы? – вопросительно проскрипел Сигал.

Наверное, – пробормотал я.

Транспорт как будто поднатужился под нами, медленно двинулся с места, разогнался, и мы полетели. Башня стала отдаляться и уменьшаться. И все внизу стало таким маленьким и далеким. За пустырем с башней я увидел рощу, а за рощей – несколько хрущёвок, в одной из которых находилась наша с женой квартира. Мысль о том, что в квартире меня ждет жена, почему-то показалась мне странной. Я любил свою жену... и от этой мысли сделалось странно. «А, собственно, как это – любить?», – спросил я себя мысленно, но ответа не услышал. Я летел с этим типом сидя на сушеном мужике по имени Асафи и наблюдал, как под нами далеко на земле проносятся весенние пейзажи: плоские сырые крыши домов, черные деревья, вперемешку с теми, которые уже успели покрыться зеленью. Пыльные и замусоренные школьные футбольные поля, дворы, дороги. Все медленно прибегало из одной дали и плавно убегало в другую даль. И я сам, казалось, убегал куда-то в один из тех дворов, а моё тело при этом несло неведомо куда.

* * *

Я не знаю, сколько мы так летели, но мне казалось, что достаточно долго. Ветер шелестел в ушах, и, чтобы мне не обдуло все лицо, я прятал его за чуть сгорбленной спиной Скрипуна.

Долго еще? – Выдавил я.

Почти добрались, – глухо ответил Скрипун.

Я увидел внизу те же конструкции, что разглядывал на фотографии. Мы снизились, и сушеный мужик плавно повис в воздухе в метре от крыши здания на сваях – того же, что выглядело бетонным ржавым нечто на фото. Все кругом покрывала пыль и бетонный песок. Кое-где сквозь трещинки в бетоне пробивалась ржавчина металлических прутьев и всполохи тысячелистника. Белые шапочки на длинных субтильных ножках пятнисто разбросались по плоской поверхности крыши. Даже железобетон покоряется природой. Я подумал, что еще слишком рано для цветения тысячелистника: только весна. Впрочем, я тут же ясно осознал, что

сизу на летающем дядьке со странным господином, и недоразумение с тысячелистником показалось мне чем-то самым собой разумеющимся, безупречно логичным и абсолютно реальным.

Нас встретил ветер. Он резким порывом сорвал шляпу со Скрипуна, обнажив лысеющее темя, но он поймал ее вытянутой вперед рукой. Мы слезли с Асафи и прошли к лестнице.

Некоторое время Скрипун показывал мне здание. Мы медленно прохаживались от этажа – к этажу, от комнаты – к комнате. Для себя я отметил, что в здании довольно сухо, несмотря на ржавчину. Видимо, когда-то было время сырости, а сейчас все в прошлом. Я спросил об этом Скрипуна, и он подтвердил. «У нас дождь идет редко, но метко, – неспешно объяснял Скрипун. – Последний дождь закончился два года назад». Было еще много всего, на что я обратил внимание в здании. Повсюду лежали какие-то скомканные тряпки. Кое-где была растянута материя, деля комнату на две, на три части. За материей в глухих углах было темно. В коридорах эта материя шла по потолку и, извилисто петляя, заворачивала за углы, оборачивалась вокруг столбов. В комнатах и всюду сидели, медитировали, ходили, что-то жевали, медленно и также скрипуче общались между собой люди с кожей сморщенной, почти как у сухофруктов. Иные выглядели немного посвежее – как мой гид. Темнота в закоулках материи, похоже, никого не смущала, никто и не подумывал зажечь лампу или свечу. Под окнами в здании стояли неровные глиняные горшки, а в горшках – какие-то сухоцветы. Иногда попадались летающие люди, вытянутые во весь рост, как и Асафи, но с разной степенью одеревенения.

У меня много вопросов, – констатировал я бесстрастно.

Сигал-Скрипун посмеялся протяжно и искренне, но ничего не ответил.

Первый такой. Кто эти люди, что летают?

Долгая история, Борис Степанович, – отсмеявшись, ответил Иван Родионович. – Если Вы возьметесь за это дело и прилетите сюда еще раз – я Вам постепенно все расскажу, вы почувствуете. От нас многие бегут. Но мы ничего плохого не делаем. Просто живем себе, и все. Все, кого мы приглашаем – бегут. Но Вы не сбежали, не паниковали, а просто спокойно всё осматривали. И знаете, почему?

Мы остановились рядом с растянутой у окна тряпицей, трепыхающейся на ветру. Она то выпукло выгибалась из окна, то резко засасывалась в него. Сквозь тряпицу были видны какие-то голые холмы и разломанные бетонные блоки, из-под которых торчали сухие стебли сорняков.

Потому что я... – я искал причины, почему я не сбежал, но снова вошел в какой-то ступор.

Почему?

Потому что я особенный? – предположил я.

Иван Родионович заулыбался, затем вздохнул – так глубоко, медленно и протяжно, что мне показалось, что я услышал дуновение ветра через длинную водосточную трубу.

Потому что Вы первый, кому мы в кафе «Башня волшебника» размешали суспензию, меняющую восприятие на нейтральное, в Ваш чай.

Что? – попытался возмутиться я, но эмоции возмущения не испытал.

Вы уж нас извините, но мы просто в отчаянии. У нас специалистов нет. Все инженеры, кого мы приглашали, бегут отсюда. Один даже выбросился в окно, увидев *пион стрептоногиш*. А ведь мы были аккуратны, и даже везли инженера сюда на покрытом Асафи. Инженер умер. Его родным нам пришлось долго доказывать в суде, что то был несчастный случай. Трудно было также подстроить, что несчастный случай произошел в вашем городе на стройке. Если Вас интересует, то я, например, имею паспорт и прописку по месту жительства в городе. Это для того, чтобы решать дела. Иначе как же? Вот, смотрите. – Скрипун покопался за лапами пиджака и вытащил замусоленный паспорт без обложки. Почти автоматически я принял его в руки и раскрыл. С фотографии смотрел Скрипун, почти такой же сухой, с выдвинутым подбородком и неправильным прикусом. Скрипун был такой же, как и сейчас, только черно-белый,

отчего его глазки казались еще меньше. Я прочитал: «Укропин Иван Родионович». Рука Ивана Родионовича забрала паспорт, и я устался ему в переносицу. Мои губы вопросительно про- бормотали:

Пион стрептонóгии? Что?

Всею свое время. Борис Степанович. Вы должны нас простить за суспензию, но нам действительно необходимо поле с овощами. Нам необходима вода в здании и чтобы Вы спроектировали укрепление для здания. Иначе мы все вымерем. – Тон Скрипуна изменился, и стал еще более медлительным. Он немного понурил взор, чего ранее не делал. – Осталось немного. Вы – наша последняя надежда. Вы построите чертежи?.. А потом поможете проконтролировать строительство?

Я молчал, не представляя, что можно ответить, а Скрипун продолжал:

Я не требую моментального ответа. Пусть сегодняшняя наша встреча будет просто ознакомительной. В нашу жизнь нельзя просто попасть и остаться спокойным. Поэтому мы прибегли к помощи медикаментов. И Вы совсем не пугаетесь. Так что Вы все хорошо обдумайте, и завтра вечером я позвоню Вам. Хорошо?

Хорошо, – тупо повторил я, снова погружаясь в какой-то ступор. Меня начало подташ- нивать. Где-то жутко задул ветер – точно такой же, какой я слышал в трубке телефона. Сквоз- няк, должно быть.

Поговорив с Иваном Родионовичем еще немного, правда, не помню о чём, я попросил его отвезти меня домой. Спать хотелось так, будто большие бабушкины руки уже укладывали меня в постель и накрывали толстым одеялом.

* * *

Не помню, как я добрался до дому, но, оказавшись в квартире, я прошел в спальню мимо жены, как-то постелил постель, разделся и плюхнулся поверх одеяла.

С тобой все в порядке? – спросила жена, кажется, рассерженным тоном.

Да, дорогая, я просто смертельно устал. – По-моему, я даже не договорил последние два слова.

Проснулся я в холодном поту в десять часов утра от душераздирающего и пронзительного крика. Сердце дико заколотилось, готовясь сделать прыжок из груди прямо в туфель, который я не убрал в коридор. Я бешено дышал, глаза мои пялились на зашторенные окна, но видели не шторы, а ржавые бетонные конструкции. Мне снилось, что я летал на каком-то сухом трупе в странное пугающее место. Как бывает обычно по пробуждению, я лег обратно и начал вос- станавливать реальность по кусочку, отделяя сон от того, что происходило на самом деле. Все шло хорошо, как вдруг я обнаружил не состыковку, и меня снова бросило в пот ужаса. Как так? Где же я просчитался? Связывая себя с реальностью, я обнаружил во вчерашнем вечере дыру. Примерно с пяти часов. Я последовательно подбирал пазлы к пустоте, но ни один не подо- дил. В голове вертелось только название какого-то кафе, написанное осточертевшим шрифтом: «Башня волшебника».

Что с тобой вчера было? – спросила жена.

Черт! Десять часов утра! Надо быть на работе! Я подхватился, напялил туфли и побежал в ванную привести себя в порядок. Меня шатало из стороны в сторону, а сердце как-то нездо- рово бубухало в груди. В ванной, в зеркале я встретил пухлого мужика со взъерошенными волосами и синяками под глазами. В общем, я выглядел будто с перепоя. Но я ведь ничего не пил. Или пил? Так или иначе, несмотря на нарушение координации движений и тахикардию, в голове у меня было чисто, хотя и слегка туманно. Будто меня отформатировали, как диск.

Я тщательно умылся несколько раз.

Что происходит? Где ты вчера был? Алкоголем от тебя не пахло, – говорила стоявшая в дверях ванной жена, тон которой с обеспокоенного начал плавно меняться на раздражительный. – Чем ты обдолбался? Сегодня вот – орал, как резаный. У меня аж сердце екнуло.

Да это суспензия была, – внезапно вспомнил я то, что принял, но не вспомнил, при каких обстоятельствах. Я стал мазаться пеной для бритья. – А крик – это мне под утро кошмар приснился.

Эта суспензия – что-то типа снотворного? – спросила жена. – Но от снотворного так не просыпаются.

Я молча брился, решая, что ей ответить. Ну не скажу же я, в конце концов, что это была суспензия, меняющая восприятие!

И зачем ты его пил в шесть вечера? – не унималась жена.

Как, в шесть вечера? – я посмотрел себе в глаза.

Так, ты пришел в шесть, еле-еле расстелил постель и плюхнулся в нее. Главное, расстелил!

Послушай, я сейчас не совсем понимаю... – сказал я и осекся. Чтобы выиграть время, я стал смывать остатки пены, а потом долго вытирался, усиленно соображая, что бы ответить жене. Жена молчала, сложив руки на груди. Мне пришлось что-то говорить:

Я очень загружен на работе. В голове – одни цифры, – очень убедительно старался говорить я. От слабости голос выходил достаточно искренним, и я, вдохновившись выражением лица жены, говорящим, что она уже сомневается в своей четкой настроенности отчитать меня, продолжил. – Я плохо сплю в последнее время. И мне просто необходимо было отоспаться.

Да ты же храпишь, как старый жирный носорог!

На что это ты намекаешь?

Я сказала «как» носорог! И вообще, я намекаю, что ты выпендриваешься. Ты ведь отлично спишь.

Даже когда я храплю, сон у меня неглубокий, и я просыпаюсь каждые двадцать минут. Прости меня, просто такой период. Хотел немножко принять, чтобы просто успокоиться, снять стресс, а вещество оказалась слишком сильным. Вот и все.

Жена молчала и смотрела попеременно то на мой галстук, то мне в глаза. Лицо у нее было сомневающееся, но уже подобрешее. Мне даже показалось, что она мне сочувствует. Даже захотелось ее обнять.

Ну ладно, – сказала она, – иди сюда.

Мы обнялись. Приятно было чувствовать тепло ее тела, после того, что со мной произошло. Кстати, что же со мной произошло?

– Больше никакого снотворного, – сказала она, жалея меня. – Так ведь и помереть можно. Хотя бы не перебарщивай.

Я обещаю, – зачем-то сказал я.

Я тебя вчера разбудить не могла. Ты представляешь, как я испугалась?

Прости меня.

И сними костюм, наконец, а то *еще больше* помнешь.

Мне на работу надо.

В субботу? Не ходи, без тебя обойдутся.

Я мысленно подсчитал дни по воображаемому развороту школьного дневника, и обнаружил, что сегодня действительно суббота, и что ни мне, ни жене никуда не надо.

Ты права, не пойду никуда, – сориентировался я.

Отдохни лучше.

* * *

Ближе к вечеру жена развешивала белье на балконе, а я сидел на кухне и пил чай с пончиками, слушая радио. Когда по радио прорекламировали железобетонные изделия компании «Бетонщик», в меня закралось какое-то смутное дежа-вю. Так, железобетонные изделия... что-то знакомое. И перед глазами встал образ. Тысячелистники! Их белые головки пробиваются из трещин в бетоне. Но ведь сейчас начало весны. Какие тысячелистники? А где я их видел?

Я изо всех сил напряг память, и в область осознания вошла чья-то сухая коричнево-серая нога. Она парила над землей. Немного погодя, я увидел голого и высохшего мужчину, парящего над землей горизонтально. Я застыл, припоминая невесть что, набрав в рот чаю и ткнув себе в лоб откусенным пончиком. Все так и было.

И вдруг меня окатил жар, сердце застучало, и я весь покрылся потом: я моментально вспомнил абсолютно весь вчерашний вечер! Один фрагмент за другим били меня, точно молния, а я окаменел. Отложив пончик и проглотив чай, я стал тереть глаза ладонями. Кафе в водонапорной башне, повсюду драпировка, Иван Родионович скрипящим голосом пытается мне что-то объяснить, а потом мы летим на Асафи – кажется так звали сушеного мужика – и тысячелистники в бетоне огромной ржавой оглобли на сваях, повсюду тряпки, мусор и странные люди. Немыслимо! Неужели все это происходило со мной? А как я домой попал? Он отвез меня или что? Последнее я не вспомнил, видимо, потому что уже в дороге спал.

Ошарашенный, я уставился на электронные часы на дверце холодильника. Голубые цифры сменились сначала на 17:25, затем на 17:26, и только когда сменились на 17:27, я проморгался, понимая, что то был не сон. Со мной всё это действительно произошло. Какой-то тихий, глубинный и протяжный ик подкатил к горлу со дна желудка и прозвучал в тишине кухни. Тихо зарычал холодильник. Вошла жена, налила себя чаю и уселась напротив меня.

Что ты такой озадаченный? – спросила она, откусив от пончика.

Да так, задумался, – ответил я и встал. – Мне надо пройтись.

Всё думаешь о работе?

О работе, – тупо повторил я.

Менять тебе ее надо, Боря. – Она выдержала паузу, необходимую, чтобы произвести эффект, – менять. Так ты совсем с ума сойдешь.

Это уж точно, – сказал я, даже не думая о работе.

Нужно было еще раз всё вспомнить и обдумать хорошенько. Я оделся и вышел на улицу. Мелко моросило. Втянув голову в воротник куртки, я брел и переступал лужи, глядя прямо себе под ноги. Что же это вообще такое? Вздохнул. Изо рта вылетело облако пара, и ветер тут же его разорвал. Я абсолютно ничего не понимал в том, что случилось вчера. События не укладывались в голове в виду их абсурдности. Я никак не мог дать им объяснения, но начинать с чего-то было нужно. Так, давай по порядку, Борис Степаныч. Ты же рассудительный и собранный инженер.

«Первое – меня попросили выполнить работу на заказ, – рассуждал я мысленно. – Работа по построению чертежей и контролю выполнения работы. Второе – меня привезли в странное место. Стоп. Если хочешь понять ситуацию, не употребляй слово „странное“. Меня привезли в место заброшенных железобетонных конструкций и зданий, которые являлись домом для этих странных... для этих особенных, живущих неведомой мне жизнью, людей. Третье – они передвигаются на таких же людях, только высохших и летающих. Четвертое – там сейчас, похоже, лето. Пятое, и самое главное, – я втянут в совершенно безумную историю, понять которую можно даже не пытаться, а раз ее нельзя понять, значит, нужно просто забыть об этом. Если надо будет, я все пойму по ходу. Но встречаться снова с этими людьми я не хочу. Боюсь ли я?»

Я остановился возле густой коричневой лужи и стал смотреть в нее на свое отражение. Снизу на меня уставился толстяк. Чтобы увидеть себя из-за живота, мне пришлось хорошенько наклониться. Насмотревшись, я побрел дальше.

Да, наверное, я боюсь. Будет лучше, если я вообще откажусь выполнять эту работу. Подумав так, я ощутил значительное облегчение. Воодушевленный новым состоянием, я повторил про себя: «откажусь!»

Откажусь! – сказал я двум голубям, что чуть не попали мне под ноги. Один из них просто отошел в сторону, а другой тревожно забил крыльями и улетел.

От такого решения я стал чувствовать себя намного легче. При таком раскладе сразу отпадала необходимость что-либо понимать. Не знал я этих людей двадцать семь лет, и еще столько же знать не буду. А может, даже и больше. Скоро в отпуск, полетим с женой куда-нибудь в теплые страны. Не зря же я деньги со счета снял. Надо идти выкупать путевки. «Все будет славно, – растянул я про себя, наслаждаясь каждым словом и вдруг осекся. – А вдруг, мне вся эта история померещилась? Вдруг я сошел с ума и сам этого не заметил? Черт возьми, все может быть. Это же как пить дать, что всякому сумасшедшему такое померещиться может. Железобетонные конструкции, лето вначале весны и летающие трупы. Подумать только, *летающие трупы!* Сплошная чертовщина, да и только».

Трудно сказать, какие чувства я тогда испытывал. Наверное, все, что можно было: страх, сомнение, интерес, самоотчуждение, какое-то смутное разочарование в себе, что это приключилось со мной. Одно можно было сказать наверняка: я откажусь. И всё тут. Успокаивая себя таким образом, я побрел в сторону дома. Перед сном мы с женой выпили кефира, съели по куску батона и легли спать.

Ты хочешь, чтобы у нас были дети? – спросила жена посреди ночной тьмы. Как раз тогда, когда такие разговоры и случаются.

Поняв, что отвертеться от темы не выйдет, я ответил:

Наверное. Уже пора бы, – сказал я. С детьми-то допустить такого абсурда я, конечно, не мог бы. Да и вообще я, честно говоря, о детях давно подумывал. Нет-нет, да и подумается как-то само.

Я, наверное, тоже.

Что-то мешало нам завести ребенка, но я не знал, что. Что-то в наших отношениях.

Давай подумаем об этом завтра? – почти шепотом предложила жена после некоторого молчания.

Давай, – ответил я, понимая, что завтра, скорее всего, она выкинет это «подумаем» из головы и, скорее всего, даже не заговорит об этом. Жаль, наверное. – Спокойной ночи.

Спокойной ночи.

Глава вторая. Существенная необходимость

На следующий день, в воскресенье, меня больше ничего не терзало. Я решил не думать о странном мире тех людей-фиников. Так я их называл, потому что кожа их была такой же усохшей, как и у финика, а по цвету – не намного светлее. Из головы я все выбросил очень просто. Достаточно было сказать себе: «аквапарк!» Согласен, обычному человеку слово «аквапарк» не затмит сумасшествия, олицетворенного в образе странного незнакомца. Но у меня получалось – с легкостью, потому что со среды мы с коллегами на работе начали выполнять заказ по проектированию аквапарка. Что касается лично меня, то мне выпало составлять схемы водоснабжения, то есть, самое важное.

Проектировать такой сложный объект, как гидротруба с последовательным сливом и водоворотом (гигантское подобие унитаза), мне доселе не приходилось, и я взялся за литературу. Порыскав в интернете, я убедился в необходимости идти в библиотеку. Одно из двух: либо я не умел пользоваться поисковыми системами, либо инженерных схем аквапарка там действительно не было.

После завтрака мы с женой отправились за продуктами в супермаркет и на рынок. Как и большинство мужей, которые ходят с женами за покупками, я занял активную подчинённую позицию, то есть молча и с благоговением в глазах выполнял поручения, вроде «посмотри, сколько фасоль стоит на том стеллаже», «поищи хлеб с нормальным сроком годности», «возьми сыр, который мы смотрели, а этот – отнеси», «понюхай, свежее?» и всё в таком духе. А после обеда я пошел в библиотеку, набрал инженерной литературы по водоснабжению, водным паробразующим и разбрызгивательным установкам, сантехнике и коммуникациям, стал внимательно читать и конспектировать.

В читальном зале кроме меня сидел еще седой, толстый, примерно моей комплекции, мужчина с усами и в футболке с надписью «Dolse&Carana», листающий большую подвязку газет. Я вспомнил, как в студенчестве, когда часто ходил в библиотеку, поскольку интернета дома еще не было, я нередко встречал там именно таких вот мужиков со стопками газет или журналов. Тогда, кстати, как и сейчас, для меня было большой загадкой, что они, черт возьми, ищут в этих архивах. Может, одна газета набирает себе из журналистов только однотипных толстоватых и сидящих мужиков? Не уверен. Впрочем, попыток установить истину я не предпринимал. Пусть себе читают. Во всяком случае, они ведь не творят ничего плохого.

Так я погрузился в миры вычислений и схем, и лишь только иногда в моей голове проплывало два образа: один – этот мужик с газетами, сидевший через стол от меня, а другой – тысячелистник, пробивающийся сквозь трещины в бетоне. Впрочем, они мне не очень мешали, точно радио с назойливой песней, играющее где-то на фоне всего. Набрав достаточно информации для того, чтобы завтра продуктивно поработать, я пошел домой с чувством выполненного долга и папкой подмышкой.

Когда я шел на середине пути до дома, начался дождь, от которого я вынужденно закрывался несчастной папкой. В подъезде своего дома проверил записи. Немного подтекли, но в целом, читаемо. Сам я промок изрядно: вообще, не знаю, зачем папкой прикрывался. Наверное, как-то рефлекторно. Жена раздела меня и развесила рубашку, куртку, брюки и трусы в ванной, а меня обернула полотенцем, после чего отвела в спальню, и мы занялись любовью. Давно не было так хорошо, как в эти минуты. Мы лежали в обнимку и расслабленными взглядами скользили по потолку. Целостных мыслей в своей голове я не находил. Так, плавали только обломки, которые периодически всплывали в сознании, но надолго не задерживались и тонули. Попив чаю с печеньем, мы немного посмотрели какой-то безмянный фильм по телевизору и легли спать.

* * *

На следующее утро я хорошо поработал. Мерно и последовательно, после чего пошел на обед в кафе поблизости. И вот, за картофелем по-деревенски с горчичным соусом, меня настигло внезапное чувство необъяснимой тревоги, а перед глазами будто бы ожили белоснежные головы цветов тысячелистника. Они покачивались на ветру, и еще где-то рядом я слышал, как бьется на ветру кусок ткани: «плуп-плуп...». Так я сидел, вилка с картофелиной застыла у раскрытого рта. Обрывки воспоминаний, которые я не мог никак усвоить или понять, плавали в мозгу, как непереваренный ужин в желудке. Меня даже начало мутить. К горлу подкатила тошнота, но я с ней справился. Отставил в сторону тарелку с тремя кусочками картошки, запил кока-колой, вышел из кафе и побрел в сторону работы. Именно побрел, в том самом, недавно знакомом мне состоянии то ли оцепенения, то ли ступора, будто снова выпил той суспензии. Маленький всполох в памяти, – лицо Скрипуна (уже совсем не напоминавшее Сигала, что-то от Сигала в его образе отвалилось с появлением летающего трупа), – словно то было воспоминание о старом сне, который забылся и вот, внезапно мелькнул, как мелькает в толпе человек со шрамом на весь лоб, который на секунду кажется знакомым. То были впечатления, выбросить или усвоить которые я был совершенно не в состоянии. Они мучили меня, потом я их игнорировал, повторяя про себя, например, «аквапарк, аквапарк!», и они затихали, но затем, когда я совсем о них забывал, картинка, как фотовспышка, мерцала перед моими глазами все сильнее и сильнее. После обеда я снова работал, да еще и с таким сосредоточием и усердием, как никогда до этого. Домой я пришел вовремя. Всполохи в памяти начинали раздражать меня, мешали смотреть фильм.

– Что с тобой опять? – спросила жена.

– А что со мной? – не понял я.

– Чего ты бесишься? Каналы, как сумасшедший листаешь, фыркаешь... Я даже не успеваю понять, что за передача идет. Давай, на фильм переключи. Реклама уже закончилась.

– Да не знаю. Из-за работы, наверное, переживаю. Боюсь не успеть, – соврал я и переключил на фильм.

«Что-то я жене стал много врать, – подумал я, – но как тут объяснить? Начнутся вопросы, которым не будет конца, а я и сам ни черта не понимаю. Еще только больше запутаюсь и жену запутаю. А „проблемы на работе“ – нечто интуитивно понятное и вопросов у большинства людей не вызывает». Я вздохнул.

Ночью я ворочался в постели. Меня страшно раздражало то, что со мной произошло. А если и не произошло на самом деле, то все равно дико бесило то, что мне померещилось. Я много раз представлял, как кулаком, со всего маху бью этому Ивану Родионовичу по морде, а затем, еще сильнее, по морде летающего трупа Асафи, и воображал, как от удара у них обоих отлетают не зубы, не капли крови, а хлопья темной сушеной кожи. «Ух, как бы я врезал им сейчас!» – думал я. И чем больше я злился, тем сильнее в воображении мой кулак мутузил этих уродов. И чем дольше я бил их, тем больше злился. В конце концов, мой пульс начал зашкаливать, пот потек со лба. Я встал и пошел в ванную. Там, в зеркале, я увидел разгоряченного пыхтящего толстяка с раздутыми ноздрями и желчным выражением лица.

– Так не пойдет, – сказал я ему, затем умылся, вздохнул глубоко три раза, сходил в кухню, съел кусок ветчины, а потом еще один кусок помазал майонезом и тоже отправил в рот, прожеывая по пути, я вернулся в постель, проглотил и вскоре уснул.

Во вторник утром я продолжил работу над проектированием коммуникаций аквапарка и, незаметно для себя, до обеда закончил и сдал свою часть работы, но вопреки моему ожиданию, мне не дали премии, и даже не отпустили домой пораньше. «Черт побери, – думал я, – надо было дожидаться дедлайна! Как делают все мои коллеги, нормальные люди, – всё время не работать, играть в „Города и герои“ по сети, трепаться да чаёк пить, а в последние двое суток до сдачи проекта сидеть и выдавливать из себя все соки». Наверное, все дело в том, что если ты

делаешь сложнейшую работу намного раньше, то она воспринимается начальством как сушая пустяковина, не достойная внимания. Хотя, за такую же по сложности работу, которую я делал не два с половиной дня, а две недели, мне выдали премию в двадцать процентов от зарплаты! Не повторяйте моих ошибок, уважаемый Читатель, говорю я Вам от обиды, больше ленитесь!

«Опрометчиво поступил, олух», – укорял я себя, уходя на обед в расстроенных чувствах. Стоя перед пешеходным переходом в ожидании зеленого цвета, я заметил в облаках темную точку. Я поначалу старался ее не замечать, но всё равно, когда, наконец, загорелся зеленый, я перебежал дорогу и повернул не в кафе, как обычно, а в противоположную сторону. Быстрым шагом я добрался до какого-то двора жилого дома и скрылся под козырьком подъезда. Так я постоял некоторое время, озираясь по сторонам. В это время дня во дворе почти никого не было. Только через дом, в помойке ковырялся какой-то бродяга в грязном зимнем пуховике, да две собаки неспешно прошли мимо меня справа-налево. Успокоившись, я решил выдвигаться, направился за угол дома, и там стоял он! Меня охватило холодным потом с головы до ног.

– Что Вам нужно? – дрожащим голосом проблеял я.

– У нас не получилось позвонить Вам в субботу. Мы Вам сегодня вечером позвоним, – говорил Иван Родионович, стоя ровно, почти по стойке смирно, в том же костюме и в той же шляпе-федоре.

Указательным пальцем он медленно коснулся шляпы, а затем также неспешно опустил руку.

– Оставьте меня в покое! – еще более слабым голосом потребовал я, – Вы не представляете, что Вы со мной делаете! Прекратите!

– Но мы же с Вами договорились, – проскрипел Иван Родионович.

– Да. Но только на словах. Я ничего не подписывал.

– Тогда так. – Иван Родионович нисколько не изменился в лице, достал из-за полы пиджака клочок желтой бумажки, огрызком карандаша сосредоточенно нацарапал что-то на бумажке и протянул мне. Не знаю, почему я в тот момент не развернулся и не ушел. А ведь мог бы! Я только с презрением взглянул на бумажку, затем в глаза Скрипуну. Его глаза ни о чем мне не сказали, и я взял ее. На ней было написано: «Башня волшебника – 20:00, четверг». Также через черту были написаны цифры, которые обозначали сумму в деньгах, обещанную мне за работу. Я скажу Вам, сумма эта, даже начерканная кривыми цифрами на замусоленном клочке, выглядела так внушительно, что я моментально оценил ее даже не в «десять лет безбедной жизни», а в целых «тридцать лет безбедной жизни». Я рассеянно поднял глаза от листка, чувствуя, что Скрипун уже исчез, как то бывает в фильмах про загадочных незнакомцев, но нет: Иван Родионович так и стоял напротив меня: живой, из сушеной плоти и крови. Впрочем, в том, что он из крови, я не был уверен.

– И это всё за два объекта, Борис Степанович.

Мы постояли так друг напротив друга еще несколько времени. Я в ступоре глядел Скрипуну на пуговицу пиджака, которая, похоже, была деревянной, как и остальные.

– Что же, я буду Вас ждать. – Он обошел меня и зашагал во двор. Я высунулся из-за угла и увидел, как Скрипун вошел в подъезд с приоткрытой дверью. Мне ничего не оставалось, кроме как выйти обратно на улицу, к людям. Уже стоя перед «зеброй» в обратном направлении, я интуитивно обернулся. С крыши того дома, в подъезд которого Скрипун вошел, он взлетел, сидя на Асафи и стал быстро отдаляться.

Я, ошарашенный, вернулся на работу и до самого вечера ни черта не делал. Только пил чай и ел печенье.

– Дай еще раз взглянуть, как там коммуникации, – попросил меня коллега.

С набитым ртом я, конечно, попытался объяснить, но тут же понял, что так не очень хорошо выгляжу, прожевал, проглотил. Коллега терпеливо ждал.

Запив чаем, я сказал:

– Мой проект уже сдан. Возьми копии у Начала.

Мой коллега завистливо хмыкнул:

– Хм, повезло же тебе с проектом.

От этого замечания я тут же расширепел. Вы только представьте, Вы все свое рабочее и свободное время посвящаете проекту, и тут на тебе: ни премии, ни даже похвалы от Начала, да еще и коллеги-гоблины зубоскалят и говорят, что мне повезло! То есть, случайное стечение обстоятельств!

– Что? Повезло! Да работать надо, а не *** пинать! Я проект с воскресенья начал, ни с кем не болтал. Сидел и усердно делал. А Вы трепитесь о всякой чепухе круглыми днями, как бабье о тряпках, а как речь о работе – так «не сейчас, не сейчас, сначала кофе, покурить, кофе, покурить! Ах, Васильич, как же не хочется работать! Да, Серёга, в лом сегодня совсем что-то!» Я тоже иногда *так* не хочу работать! Но работаю же! Бесит просто, как я тут надрываюсь, хочу все сделать, как надо! Полностью, с головой погружаюсь в работу. А вот спорим, что хотя у Вас части проекта и полегче, – я яростно потыкал пальцами в сторону каждого из коллег, – только и делай, что из шаблонных элементов и собирай, но премию дадут кому-то из вас, кто в последний момент сдавать будет, потный и напряженный, потому что едва уложился. Уже за один взъерошенный вид премию выпишут мгновенно! Не мне! Потому что я раньше закончил, а это, извините, не убедительно! – Последние несколько слов я и вовсе прокричал. Не ждал я от себя такого.

– Мы ни хрена не делаем, что-ли, по-твоему? – спросил один.

– Да ладно. Хорошо, – почти испуганно забормотал другой, и услужливо объявил, – тоже пойдем и будем работать. А ты можешь еще наши бутерброды съесть, не стесняйся, печенье-то уже кончается.

«Вот же сволочь! Знает, что мне ответить!» – хотел было крикнуть я, но закрылся, отвел взгляд, допил чай, и стал собираться домой. Меня разбирала странная злоба. Хотелось кому-нибудь врезать. Чертов Скрипун, да будет проклят он и его летающий окоченелый труп! – подумал я, но вслух проклятье произносить не стал. На всякий случай.

Домой я пришел уже не такой разозленный. Вся моя агрессия выветрилась, и на смену ей пришло какое-то грустное полузабытье. Жены еще не было дома. Я сел на диван, достал затасканную бумажку и, держа её в руках, стал на нее пялиться. «Башня волшебника – 20:00, четверг». Ох уж мне эта «Башня волшебника». Название кафе такое махровое, почище «Натали», или «Ирина», или «Рандеву», или вообще «Тайная заводь». Если бы я не был в нем недавно, я бы подумал, что это кафе представляет собой апогей отечественной дизайнерской мысли девяностых годов: деревянные тяжелые стулья; зеленый линолеум на полу; массивные рамы на окнах; какие-то пошлые искусственные цветы, прикрывающие трещины в стенах; сигаретный дым коромыслом; в замызанном меню с кожаной обложкой салаты «мужской каприз», «столичный», горячее «мясо по-французски», два вида пива, одного самого противного и дешевого, какое только можно вообразить и другого – чуть дороже, но еще более противного и с кислинкой; официантки – сорокалетние женщины с истошными лицами, потасканные жизнью; конечно, в углу такого кафе обязательно должна стоять, например, облезлая гипсокартонная статуя застывшего в кататонии волшебника с выпученными глазами, чтобы хоть что-то оправдывало название. «Да, – подумал я в заключение своего представления, – когда-нибудь и по таким кафе будет ностальгия».

Однако настоящая «Башня волшебника» резко отличалась от такого представления, она была довольно странной, как и все, что связано с этим скрипучим типом.

Я глубоко вздохнул и перевел взгляд на сумму, которую он мне написал. Сами цифры ютились на тесной бумажке, как прохожие, не имеющие ко мне отношения, беспристрастнее некуда. Но вот чувства они вызывали спутанные и сильные. Возникал вопрос: если это вся

работа, то почему так много? Есть опасности? В чем? Сумма и окунала меня в море тревоги с головой и радовала, отчего всё внутри меня замирало и опускалось куда-то на дно – аж до кончиков пальцев на ногах.

Суммы этой хватило бы на квартиру, на дачу, на машину, да еще потом пожить лет двадцать. К сожалению, только в таких простых вещах я мог тогда измерить эту сумму. Помыслить эти цифры в иных категориях я не мог, поскольку никогда не располагал средствами большими, чем я скопил за год на наш отпуск за границей, и которые лежали сейчас в конверте, спрятанном в сохранившем, на мой взгляд, месте – в тумбочке под телевизором. Денег, которые предложил мне Скрипун, хватит, по меньшей мере, на двести таких же отпусков. От подобных астрономических расчетов у меня заболела голова. Я бросил бумажку на журнальный стол в грудку чеков и газет, отклонился назад и уронил голову на спинку дивана.

«Да, вот так на... – подумал я, не в состоянии думать иначе, – с другой стороны, что же стоит за этими цифрами? Тысячелистники, летающие трупы? Этот их неведомый мне пион стрептоногии? Еще что-то похлеще? Да и откуда вообще у этих людей такие деньги?» Я вздохнул. Осмыслить всё это не было никакой возможности.

Так, в быстро улетающих и мерцающих мыслях я просидел еще минут двадцать. Головная боль прошла, и я твердо решил бросить любое размышление на этот счёт, включил телевизор и стал внимательно наблюдать за всем, что показывали. У меня получалось.

* * *

Так или иначе, а той ночью я спал еще хуже. Жена бросила всяческие попытки меня успокоить, отвернулась к стене и через пару минут засопела. Я лежал и разглядывал тени от предметов в комнате, создаваемые единственным источником света – мерзкими зелеными электронными цифрами на часах, которые показывали 01:42. Так, глядя попеременно то на часы, то на тени, я нередко лежал и в детстве. Правда, в детстве я уходил в забытие уже через пять минут такого занятия. Сейчас этого не происходило, а тени не вызывали в воображении никаких загадочных образов, потому что я твердо знал, какие вещи их отбрасывают, а что касается часов, то я хотел кинуть в них чем-нибудь тяжелым и разбить вдребезги, чтобы они не светили так противно, и чтобы цифры на них не сменялись так быстро.

Что же мне, все-таки, делать? Идти или не идти в эту «Башню волшебника» послезавтра? Я задавал себе один и тот же вопрос, казалось, бесконечно, и также бесконечно не давал на него ответа. В конце концов, я решил прекратить мучения и мысленно жёстко отчитал самого себя: «Ну что ты там забыл?! Какого чёрта тебе там понадобилось?! Неужели ты не видишь, что это – обман и что лучше и гораздо надежнее тебе было бы связаться с целым табором цыган! Да, деньги! А где хоть одна единственная гарантия, что ты получишь хотя бы небольшую сумму? Ты когда в последний раз видел, чтобы людям столько платили за работу? Какую жуткую чушь ты себе придумал! А если и вовсе твое воображение разыгрывает с тобой злую шутку? Никто, кроме тебя Скрипуна не видел! Никто, кроме тебя не может подтвердить его существования. Хотя и есть твой сосед, но разве он скажет, что за тип звонил ему на домашний, когда хотел услышать тебя? Странно, не правда ли? Так что, возможно, тебе стоит попить что-нибудь для нервов и не забивать себе голову, чертов ты псих! Совсем с катушек слетел. Лучше подумай о жене, о том, как вы с ней полетите на острова. Там ты отдохнешь, приведешь голову в порядок, расслабишься, наконец. А потом с новыми силами примешься искать новую работу».

Монолог закончился, а в голове еще прокручивалась последняя фраза, точно эхо в горах: «искать новую работу».

«Да, так я и сделаю», – вздохнул я и через минут двадцать уснул.

Утром, когда я проснулся, еще лежа в постели, я мысленно повторил себе отдельные фрагменты из вчерашнего монолога, которые вспомнил: «...надежнее связаться с табором цыган... гарантий нет... воображение разыгрывает с тобой злую шутку... попить что-нибудь

для нервов... искать новую работу...» И правда, работка-то моя так себе. Вокруг одни нытики и снобы. Садятся за стол и начинают друг другу жаловаться за чашкой чая, а заканчивают через пару часов за четвертой. Иногда потом еще и в бар вместе идут, и там продолжают, только уже за алкоголем. Если же есть шанс, что в офис войдет кто-то из администрации, они также садятся и треплются, только каждый за свой стол, отчего им приходится говорить громче, а я всё это слушаю. Ясное дело, что меня в такой компании ценить не будут! К тому же, интересный заказ появляется раз в год. В основном, это какие-то унылые расчеты, легкие, но объемные и поэтому ужасно скучные. Да разве ж это работа?

Я чихнул, будто в нос что-то попало, и почесался. Затем встал, собрался, позавтракал с женой, и мы с ней разошлись по делам. Закончив работу в семь часов, я побрёл домой. Именно побрёл, поскольку сильно устал: работы добавилось, надо было переделать схемы коммуникаций по указаниям главного инженера. Вечно этот болван проверяет всё в последний момент. Вот так бесславно и прошел день, а ночью я сразу провалился в сон – сказался недосып.

Вечером четверга, после автобуса, я пошел домой почему-то не как обычно, по главной улице, а дворами. Сначала я зашел в магазин, купил пару журналов для себя и жены, а после магазина я решил сократить путь и двинулся в обход супермаркета, где мы с женой в это воскресенье затаривались продуктами. Я совершенно забыл, что на том пути – бывшая водонапорная башня. Проходя мимо нее, я остановился и посмотрел в её сторону. На месте пустыря вокруг нее сделали парковку, достаточно условную, прямо на песке, потому что асфальта не положили. Обитая темной перекрученной тканью, она возвышалась над автомобилями, а также над растущими на ее фоне деревьями. Я взглянул на часы. 19:35. «Черт бы меня побрал, – подумал я, вздохнул и, еще постояв некоторое время в нерешительности, добавил, – ну раз уж сама судьба привела меня сюда, то будь что будет, а я должен узнать, что это за люди такие, которые живут в старом здании рудника или зернохранилища, да и вообще, что у них там происходит. Иначе эта загадка будет мучать меня, пока я не отойду в мир иной. И вот, в ином мире, кто-то спросит меня: „что же это были за существа?“ И что я им отвечу? „Не знаю“? Лучше уж узнать. А если я действительно сошел с ума, и всё мне это только кажется, то хуже не будет!»

– Хуже не будет, – сказал я вслух сомневающимся тоном, двигаясь в сторону «башни волшебника», по пути прибавив, – наверное, не будет.

* * *

Не решившись снова подняться на лифте, я, задышавшись, взшел по лестнице в зал и сел за свободный столик – у арфы. Отдышавшись, я стал рассматривать её. Старая арфа, если не сказать древняя, со следами ржавчины и белыми разводами, но с новыми струнами, в 2/3 моего роста. Рельефные узоры на ней изображали цветы и львов с крыльями. Ко мне подошла официантка, принесла тетрадку-меню и стакан воды. Меню я открывать не стал, а воды выпил с полстакана. Затем поднял его на свет. Никаких пятен или отпечатков пальцев, кроме своих, я не обнаружил, и вернул стакан на стол. Конечно, я опасался, что меня чем-нибудь отравят. Просто очень хотелось пить, и нигде не было видно моего собеседника, так что я подумал, что не рискую. Отдышавшись, я вовсе собрался уходить, как вдруг, незаметно, предо мной встал знакомый костюм, деревянные пуговицы уставились на меня своими зрачками-дырками. Я поднял глаза и увидел Скрипуна, уже без шляпы – она оказалась висящей на стуле напротив меня. На голове у него, вопреки моим ожиданиям, росли густые короткие волосы.

– Здравствуйте, Борис Степанович, – прозвучал его низкий и хриплый голос, совершенно безэмоциональный. Из под тяжелых полуприкрытых век глядело два черных невыразительных глаза.

Я встал, мы пожали друг другу руки. Его ладонь оказалась сухой, с шелушащейся кожей, а пожатие – слабым, но уверенным. Моя ладонь, с точностью до наоборот, ощущалась мокрой, пухлой, а пожатие – сильным, но кратковременным и неубедительным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.